

«Григорий и Аксинья» — скульптура по мотивам произведений М.А. Шолохова. Станица Вешенская. Авторы работы: скульптор В.Н. Десянчук и архитектор Н.В. Можяев

МРАЧНОЕ СОБЫТИЕ

Знать, уж так суждено.

Из сборника русских пословиц В. Даля

Лучше поздно, чем никогда.

Высказывание древнеримского историка Тита Ливия

Да, речь пойдет о мрачном событии в истории великого русского искусства. И дело вовсе не в том, что нынче его величие померкло, могущество иссякло. Не стану томить читателей нудным предисловием о житье-бытье, а сразу устремлюсь вглубь событий, «как Чацкий, с корабля на бал». В этих целях процитирую несколько строк из книги «Я был директором Большого театра», автором которой является М.И. Чулаки — известный деятель

в области музыкального искусства, композитор, профессор консерватории. Он был не только директором театра, но и его художественным руководителем. Вот строки из этой книги: «Мы хотели получить от Д.Д. Шостаковича новую оперу на тему романа Шолохова „Тихий Дон“. До сих пор у меня хранится экземпляр либретто, на котором рукой Д.Д. написано: “Этот экземпляр принят мною к работе”. И вдруг работа не состоялась. Почему — Шостако-

вич мне не рассказывал. Я полагаю, что у него была встреча с Шолоховым и они друг другу не прищлись по душе — слишком они разные люди.

Один из молодых композиторов (Овчинников) обратился в Большой театр и сказал: „Вам нужен «Тихий Дон»? Я готов его написать вместо Шостаковича!“ На что я просил передать ему: „Нам нужен «Тихий Дон» Шостаковича“, а не любой „Тихий Дон“».

И еще одно коротенькое добавление к этому. Однажды мы с народным артистом СССР Н.К. Черкасовым беседовали о том, о сем, и он с горечью сказал, что вроде бы Д.Д. Шостакович отрекся от своего замысла создать оперу по знаменитому шолоховскому роману. При этом он заинтересовался моим отношением к М.А. Шолохову. Я, разумеется, выразил глубокое уважение к пи-

Тыркалов Герман Кузьмич — член Союза писателей России, генерал-майор милиции в отставке.

сателю-классику советской литературы, хотя весьма критично высказался о романе «Они сражались за Родину». По-моему, то, что было в свое время опубликовано, да и кинокартина по этому роману — не на высоте.

Далее мы заговорили о чем-то другом, кажется, о романе «Тихий Дон» и о достоверности авторства Шолохова. На сей счет уместно сказать хотя бы несколько слов, поскольку кое-кому, в том числе и Солженицыну, взбрело в голову обвинять Шолохова в плагиате. Вы убеждены, что Земля вращается вокруг Солнца? Или в том, что «Евгения Онегина» написал Пушкин, а не Эдуард Лимонов? Так и я совершенно убежден, что «Тихий Дон» написан Шолоховым.

В свое время председатель Союза писателей СССР Фадеев и даже Сталин рекомендовали Шолохову вставить в роман хотя бы самую малость о том, что, дескать, Григорий Мелехов в конце концов одобрительно отнесся к Октябрьской революции и социализму. Фадеев настоятельно требовал таких добавлений в текст, грозился, что без этого роман не опубликует. Казалось бы, куда не денешься, ведь это было желание не только Фадеева, но и самого Сталина... Однако Шолохов, который черпал материал для романа из гущи донского казачества, который воистину вынырнул, выпестовал своего героя, не стал вносить коррективы. Так мог поступить только могучий писатель и, конечно же, не литературный мошенник. К этому можно приплюсовать многие свидетельства, не вызывающие сомнений в том, кто автор «Тихого Дона». Но это к слову пришлось. А главное, теперь прояснилась суть моего повествования. Иначе говоря, великий композитор Д.Д. Шостакович намеревался создать оперу по роману великого писателя М.А. Шолохова, и вдруг все рухнуло, то есть замысел композитора к бесконечному сожалению канул в Лету. Что же произошло? В чем причина

этого мрачного события? Вот об этом и пойдет речь.

Итак. Догадка директора и худрука Большого театра М.И. Чулаки подтвердилась: действительно состоялась встреча М.А. Шолохова и Д.Д. Шостаковича.

Но тут у читателей может возникнуть вопрос: а откуда это известно автору статьи? Быть может, это очередная выдумка, коими полны средства массовой информации? Вполне закономерная любознательность, ибо пишущая братия

Многие средства массовой информации как никогда прежде наштигованы базарной болтовней.

остервенело гоняется за сенсациями и чего только не выдумывает, городит всякую чушь. Во всяком случае, многие средства массовой информации как никогда прежде наштигованы базарной болтовней. Нередко изрекают ложные суждения, словно иудеи об Иисусе Христе. Неудивительно, что

Г.К. Тыркалов, писатель, генерал-майор милиции в отставке

среди пишущей братвы оказалось немало таких, кто отчаянно противостоял принятию закона о наказании за публичное оскорбительное вранье. Лично я разделяю мнение Виктора Гюго: «Ложь — это великое зло». Вранью надо давать отпор.

Но не будем отвлекаться. Несколько слов об авторе и его осведомленности. Кратко, протоколно. Судьба моя такова, что в 60-е годы прошлого столетия мне довелось возглавлять областное управление культуры в Ростове-на-Дону.

Я был самым молодым начальником облуправления в Российской Федерации. До этого по призыву комсомола пять лет отслужил на боевых кораблях Черноморского флота. Там вступил в ряды коммунистической партии. Демобилизовавшись, окончил юридический институт. Работал в советских и партийных органах. В 1955 г. утвержден заместителем заведующего отделом обкома партии, в начале 1963 г. назначен на должность начальника облуправления культуры. Жизнь не стоит на месте, людские судьбы непредсказуемы, в конечном счете стал генералом, писателем, были изданы мои исторические романы, повести, рассказы, но это уже другая история.

Вернемся к той поре, когда я, будучи руководителем управления культуры, занимался восстановлением уникального здания театра имени Максима Горького, разрушенного при отступлении немецко-фашистскими агрессорами. Тогда же был создан кукольный театр для детей (до этого артисты ютились в гостиничном номере, а спектакли демонстрировали где придется). Хорошее здание с концертным залом и репетиционными помещениями обрела областная филармония. Но,

конечно же, одолевали не только хозяйственные дела. На управление культуры возлагалась ответственность за нравственный и профессиональный уровень спектаклей и концертных выступлений. Мы, ростовчане, стали зачинателями фестиваля искусств «Донская музыкальная весна». Это масштабные многочисленные концертные выступления, в которых принимали участие оркестры, музыкальные коллективы, индивидуальные исполнители, композиторы, в том числе знаменитости из столицы — Святослав Рихтер, Клавдия Шульженко, оркестр Утесова, хоровая капелла под управлением Александра Юрлова и другие. Тогда судьба свела меня с Д.Д. Шостаковичем.

Концерты звучали в городах и селах — в клубах, цехах заводов и фабрик, на полевых станах. «Донские музыкальные вёсны» проводятся и по сей день, хотя... Ну да бог с ними.

Что касается Д.Д. Шостаковича, то он присутствовал на концертах, где звучали его произведения, иногда сам садился за рояль. Был доброжелателен, общался со зрителями. У него состоялись встречи с деятелями искусств, с ростовскими композиторами. Както вечером в его гостиничной резиденции возник разговор о гонораре автору сюиты, которую

исполнил симфонический оркестр Ростовской филармонии. У Шостаковича сюита не вызвала положительных эмоций. А вот принимавший участие в разговоре начальник управления музучреждений Министерства культуры РСФСР Холодидин был иного мнения и просил Шостаковича

Не только писатели, но и композиторы, художники, артисты, все деятели литературы и искусства в той или иной мере являются инженерами человеческих душ.

смягчить свою оценку, чтобы оплата гонорара не выглядела зазорной. Я был на стороне Холодидина, стремясь материально поддержать молодого целеустремленного композитора. Средства к существованию способствуют творческим дерзаниям, как говорится: «Утром деньги — вечером стулья». Д.Д. не стал с нами спорить. Сев за рояль, который стоял в его апартаментах, он сказал, что в сюите есть весьма яркое место, и наиграл несколько тактов из хорошо известного революционного гимна: «Вставай, проклятым заклейменный, весь мир голодных и рабов...». Дело в том, что композитор включил эти такты в свое произведение, что вполне допустимо для музыкального жанра, именуемого сюитой.

Услышав популярную мелодию, присутствовавшие хохотали, кто-то весело хлопал в ладоши. А Холодидин изрек, что, дескать, в целом, молодой композитор создал неплохое произведение. Шостакович не стал возражать, и Министерство культуры, видимо, приобрело сюиту.

А теперь двинемся дальше по праведному пути.

Однажды, было это в 1964 г. во время очередного фестиваля «Донская музыкальная весна», Дмитрий Дмитриевич Шостакович, его очаровательная супруга, а также секретарь Ростовского горкома партии Евгений Александрович Шевченко и ваш покорный слуга отправились «на природу», точнее к рыбакам на уху. (Тут должен обмолвиться: позабыл отчество супруги Дмитрия Дмитриевича, тогда она была очень молода — значительно моложе своего мужа, мы, заручившись позволением, именовали ее Ириной, а чаще Ирочкой.)

«На природе» выпили по рюмке, по другой. Супруга Дмитрия Дмитриевича не в счет, она наслаждалась квасом — чудесным творением жителей донских станиц. Такого кваса вы нигде не сыщете, он обрел славу не меньшую, чем донской вяленый рыбац.

Пели песни. Мы с Евгением затянули «Шумел камыш», Дмитрий Дмитриевич поддержал нас, сказал, что по доступности и мелодичности это привлекательная песня, поэтому-то она и стала «гимном» любителей застолий.

Уха удалась — пальчики оближешь. И, конечно же, черная икра не была размазана на бутер-

Д.Д. Шостакович и А.А. Холодидин — гости «Донской музыкальной весны». Рядом с ними начальник управления культуры Г.К. Тыркалов и секретарь Ростовского горкома партии Е.А. Шевченко

бродах, она до краев наполнила емкую эмалированную посудину, к икре подали большие деревянные ложки.

Наслаждаясь донскими просторами и дивным степным ароматом, Шостакович поделился замыслом: он решил написать оперу по мотивам шолоховского «Тихого Дона». Помнится, Шевченко налил себе полный граненый стакан водки и лихо опрокинул его во имя грядущего шедевра мирового искусства.

Короче говоря, на следующий день с утра я явился к секретарю обкома партии Михаилу Кузьмичу Фоменко, в ведении которого были вопросы идеологии, рассказал ему о творческих замыслах Д.Д. Шостаковича и внес предложение: организовать встречу Шолохова и Шостаковича. В тот же день получил положительный ответ, то есть предложение было одобрено. Видимо, Фоменко обговорил эту затею с первым секретарем обкома и велел мне незамедлительно выехать в станицу Вешенскую к Шолохову. Сказал о том, что он, Фоменко, разговаривал по телефону с Михаилом Александровичем, который пожелал выслушать подробную информацию о замыслах композитора и уж после этого принять решение — то ли встречаться с ним, то ли пустить дело на самотек. Вероятно, можно было бы не ездить к Шолохову, а позвонить ему и рассказать, из-за чего разгорелся сыр-бор, но, как говорится, с колокольни виднее, что надо делать. Утром следующего дня я предстал перед Шолоховым.

Мне как начальнику управления культуры уже не раз доводилось общаться с писателем. Встречи с ним остались в памяти.

В книге «М.А. Шолохов. Уроки мужества и доброты» я поведал об одном случае, который свидетельствует о правдивом характере писателя и его откровенности. Вот о чем речь. В областном дра-

М.А. Шолохов и Д.Д. Шостакович впервые встретились в Ростове-на-Дону в загородной резиденции обкома партии. Там и произошло «мрачное событие». Фото позаимствовано из книги «Наш Шолохов», изданной Ростовским книжным издательством в 1975 г. Однако авторы книги ни единым словом не обмолвились об исторической встрече писателя и композитора. Возможно, о содержании встречи просто не ведали...

матическом театре имени Максима Горького шла инсценировка романа «Поднятая целина», на одном из спектаклей присутствовал Шолохов. Тогда, если не ошибаюсь, состоялась моя первая встреча с прославленным земляком (я ведь тоже с Дона). В общем, Шолохову спектакль понравился, он сдержанно поблагодарил артистов.

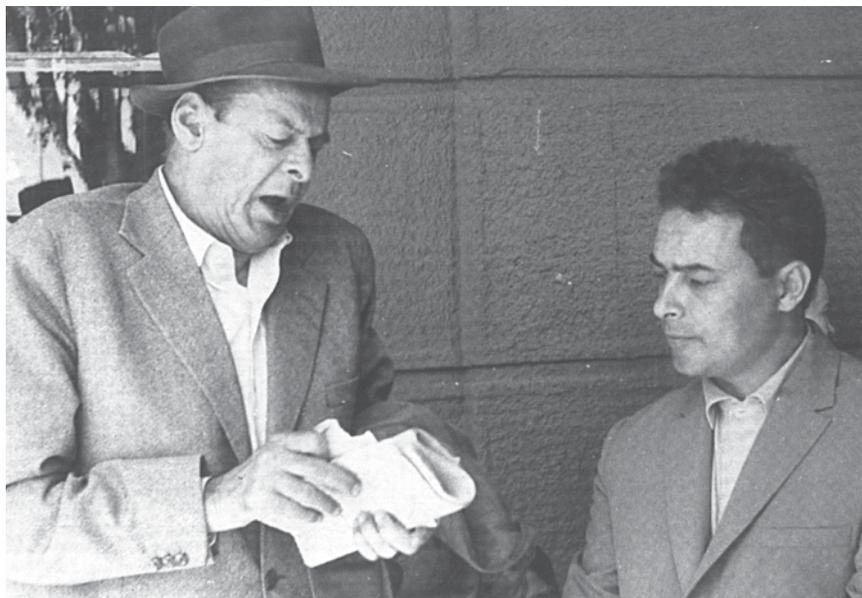
В зале присутствовал и автор инсценировки Петр Демин, который тогда работал начальником отдела театров Министерства культуры РСФСР. К этому времени Демин

уже наловчился создавать инсценировки по произведениям советских писателей, то есть пьеса по шолоховскому роману не являлась пробой пера. Собственных произведений у Демина не было, тем не менее он стремился вступить в Союз писателей, и по его просьбе, а также по согласованию с секретарем обкома Фоменко (иначе нельзя было: на небе Бог, а на нашей земле обком — он всему голова) я после спектакля и общения Шолохова с артистами обратился к нему с просьбой, чтобы он по-божески оказал содействие Демину.

Казалось, Шолохов пропустил мои слова мимо ушей, то есть никак на них не отреагировал, и тут же о чем-то заговорил с Фоменко. Тогда, опять же по настойчивой просьбе Демина и потому, что мне позвонил Фоменко, у которого перед отбытием в Москву побывал сей чиновник, я от имени управления культуры написал Шолохову коротенькое письмецо с просьбой помочь сценаристу вступить в Союз писателей. Откровенно говоря, я сделал это вопреки собственному желанию. Тут сыграла решающую роль позиция обкома партии — нежелание портить отношения с Министерством культуры.

Демин позванивал мне из столицы: «Ну что? Как там Шолохов? Он почему-то затягивает с ответом...» Чиновник надеялся, что великий писатель внесет лепту в его карьеру. Через некоторое время в Управление культуры пришло официальное, отпечатанное на пишущей машинке письмо за подписью М.А. Шолохова. Он писал о том, что в Союз писателей принимают тех, чьи произведения признаны профессиональными и обрели общественное признание, а Демин по сути дела ничего не написал, он пересказывает написанное другими. «Чувствуется, что это самолюбивый пробивной чиновник. Зачем же незаслуженно рекомендовать его в Союз писателей?» — вопрошал Шолохов и при этом высказал уверенность, что управление культуры согласится с его мнением. Я с пониманием отнесся к позиции Шолохова.

А что касается нашей встречи по поводу намерения Шостаковича, то она началась с того, что Михаил Александрович налил мне бокал коньяка, себе — самую малость, сказав, что он подпростыл и уместно выпить за его здоровье. «Ты крепкий мужик, и коньяк крепкий, в самый раз для тебя, — помнится, он говорил что-то в этом роде. — Давай за Шолохова! И пусть у него будет столько горького и мрачного в жизни, сколько останется ка-

Народный артист СССР Н.К. Черкасов с горечью говорил о том, что Д.Д. Шостакович отрекся от бывшего замысла написать оперу по мотивам «Тихого Дона». Почему так случилось, Н.К. Черкасов не знал

пель в твоём бокале». Куда деваться! Правда, характер у меня, будь он не ладен, крутой, непокладистый и пристрастия к спиртному я не имел, однако не стал конфликтовать с Шолоховым, опорожнил бокал, не оставив в нем ни единой капельки. И тут же поведал гостеприимному хозяину то, о чем уже хорошо известно читателям. «Все ясно», — сказал Шолохов. В тот же день мы вместе выехали в Ростов-на-Дону. В дороге, размышляя о романе, я поинтересовался: как Михаил Александрович относится к замыслу композитора? Шолохов был не из тех, кто распаивает душу, смысл скупого ответа был таков: не все оперы вызывают у него удовлетворение, а что касается Шостаковича, то это талантливый композитор. Приехав в Ростов, Шолохов остановился в гостинице, которая была расположена напротив обкома партии, там у него был постоянный, вроде бы бронированный за ним одноконкатный номер.

А теперь о самом главном. Встреча состоялась в особняке обкома партии на окраине города. Кроме М.А. Шолохова и Д.Д. Шостаковича в ней приняли участие супруга Д.Д. Ирина, секретарь обкома

М.К. Фоменко, председатель облисполкома С.А. Биткин, глава отдела музучреждений Минкультуры А.А. Холодилин, зам. председателя облисполкома, который до этого возглавлял управление культуры, Е.П. Белодед, зав. финансово-хозяйственным отделом обкома А.С. Сидоров — закадычный приятель Шолохова и ваш покорный слуга.

Перед застольем между Шолоховым и супружеской четой Шостаковичей завязалась оживленная беседа. Впрочем, Михаил Александрович был немногословен. Посмотрите на фотографию, запечатлевшую этот момент встречи. Супруга Шостаковича с любопытством смотрит на писателя, она интересовалась его творческими замыслами, в частности завершением романа «Они сражались за Родину». Покуривая свои неизменные папиросы «Беломор-канал», Шолохов ей отвечал, не вдаваясь в подробности, что-то вроде: «Тружусь, как старая артиллерийская лошадь... Москва не сразу строилась...» и т.п. Председатель облисполкома пригласил всех к столу, он же предварил застолье тостом. Сказал, если мне не изменяет память, что-то стандарт-

ное о том, что под руководством партии и правительства советская культура шагает по пути расцвета и т.д. Конечно, выпили, но выпивали, как положено на официальных приемах, по глоточку. Вторым выступил секретарь обкома Фоменко и сказал о том, что до него дошли слухи о замыслах Шостаковича насчет оперы, потом произнес теплые слова и в адрес композитора, и в адрес писателя. Выпили за их творческое содружество во славу великого советского искусства.

У Шолохова была чистая душа. А по характеру он был весьма жестким, занимал принципиальную позицию по отношению к тому, что считал предосудительным.

Тут попросил слово Шолохов. Не спеша вытерев салфеткой губы — это врезалось в память, как и его выступление, — он, опять-таки неторопливо, будто взвешивая каждое слово, стал излагать свои неординарные мысли. Мой сосед по столу Холодилин шепнул, ни к кому не обращаясь: «Шолохова занесло не в ту степь» — это тоже осталось в памяти. А Шолохов говорил о том, что не всякое литературное произведение доступно оперному искусству. «Это вовсе не значит, — подчеркнул он, — что опера стоит рангом ниже творчества писателей. Просто случается их несовместимость». В подтверждение своих слов он высказался примерно так: «Разве разумно излагать ариями роман „Поднятая целина“, во всяком случае то место из романа, где секретарь райкома требует от исключенного из партии партийный билет. То есть секретарь райкома должен солировать: „Клади на стол партийный билет!“ Этот сумбур, эта утопия не утешат душу поклонников оперного искусства». Далее он коснулся другой острой темы. Говорил о том, что некоторые композиторы пристраиваются к известным литературным произведениям и незаслуженно обретают звонкие имена.

При этом Шолохов назвал композитора Держинского¹, сказал, что не все в его оперном творчестве совмещается с литературными произведениями и что сей композитор в погоне за ложной славой прямо-таки примазался к Шолохову (слова «Держинский примазался» были сказаны Шолоховым. — *Примеч. авт.*). Видимо, наболело в душе писателя. Продолжая выступление, Шолохов обратил внимание на то, что искусство должно опираться не толь-

ко на душевные порывы, но и на разум, на благонравие. Изрек, что искусство принадлежит народу, что не только писатели, но и композиторы, художники, артисты, все деятели литературы и искусства в той или иной мере являются инженерами человеческих душ и это налагает огромную ответственность. В заключение он произнес теплые слова в адрес Шостаковича и его супруги, выразив им добрые пожелания, предложив тост за творческие успехи компо-

зителя, но при этом ни единым словом не обмолвился об опере на тему своего романа.

Как принято, чокнулись, кто-то пригубил, кто-то выпил. Молчаливо жевали закуску. Тишину нарушил Фоменко, поинтересовавшийся, не желает ли высказаться Дмитрий Дмитриевич? Шостакович тут же поднялся, взяв в руки рюмку. В сей миг во мне эхом откликнулись слова моего соседа, что, мол, Шолохова занесло не в ту степь. Подумалось, что Д.Д. выступит в защиту оперных произведений, то есть скажет о том, что музыкальное искусство способно отражать и отражает действительность, обладает возможностью выражать мысли и эмоции человека. Но Шостакович заговорил о фестивале «Донская музыкальная весна», его значении, о том, что опыт ростовчан заслуживает широкого распространения «на просторах Родины чудесной». О своих творческих замыслах умолчал, всем пожелал всяческих успехов и благополучия.

Он как бы подытожил встречу. После его выступления все засуетились, оказалось, что у всех было много неотложных дел, и вскоре тепло распрощались и разъехались кто куда.

Супруга Д.Д. Шостаковича, очаровательная Ирина, впервые встретилась с М.А. Шолоховым. Она с искренним интересом беседовала с писателем, задавая ему множество вопросов

Эту фотографию Д.Д. Шостакович адресовал начальнику Ростовского управления культуры. Он написал: «Дорогому Герману Кузьмичу Тыркалову на добрую память о „Донской музыкальной весне“ от Д. Шостаковича. 12 мая 1964 года. Ростов»

Когда на следующий день я провозжал к поезду чету Шостаковичей, настроение у них, как обычно, было бодрое. В разговоре поинтересовался, будет ли Д.Д. писать оперу? Шостакович коротко, четко, без обиняков ответил, что не будет, у него нет желания. Вот, собственно, и все. Встречались ли после этого Шолохов и Шостакович — не ведаю. Вскоре я был уже в другой должности, хотя не раз доводилось общаться с Шолоховым. Последний раз мы виделись в начале 80-х годов, когда я, будучи уже генералом, навестил писателя в кремлевской больнице. В разговорах не касались оперного искусства.

Хочу кое-что добавить к сказанному. Я не склонен осуждать Шолохова. На встрече с Шостаковичем он высказал свои мысли. Разве это заслуживает осуждения? У него была чистая душа. А по характеру он был весьма жестким, занимал принципиальную позицию по отношению к тому, что считал предосудительным. Всегда ли его суждения были безукоризненны? Разумеется, не всегда, ибо людям свойственно ошибаться, к тому же существуют разные точки зрения.

В то же время Шолохов ни перед кем не заискивал. «Волхвы не боятся могучих владык». Когда, например, в предвоенные годы с подачи Кремля охаивали Анну Ахматову, он выступил в защиту талантливой поэтессы, был даже инициатором выдвижения ее на соискание Сталинской премии.

Тогда кое у кого волосы встали дыбом от шолоховской вольности. Впрочем, Ахматову не удостоили награды. Но каков Шолохов! Подобные факты не единичны. Он непримиримо относился к головотяпству, бюрократизму, недостаткам в государственной деятельности, в частности к нещадной эксплуатации сельского хозяйства, обращал на это внимание властных структур и даже «вождя и учителя» Сталина. Невольно всплыла в памяти русская пословица: «Мельница не по ветру, а против ветра мелет».

И Шостаковича я не осуждаю. За что его осуждать? За то, что он не создал оперу «Тихий Дон»? Значит, таков был его творческий выбор. По свидетельству выдающегося музыканта Юрия Башмета, Шостакович однажды сказал,

что напишет пятнадцать симфоний и пятнадцать квартетов. И так и сделал — написал ряд гениальных произведений. Творчество в его власти. Он сам себе голова.

А что касается встречи Шолохова и Шостаковича, то...

Я вовсе не намерен учинять нелепое судилище, уподобляясь судьям, у которых «за древностию лет к свободной жизни вражда непримирима». Упаси бог! Я просто рассказал о том, чему был свидетелем.

Пожалуй, тут уместен вопрос: почему об этой злополучной встрече до сих пор помалкивали? Что касается меня, то в воспоминаниях о былом, названных «Мысли вслух», я коротко рассказал о «мрачном событии», но книжица была малотиражной, и мой рассказ прозвучал глухо. Трудно сказать, почему молчали другие участники встречи. Может, потому, что их одолевали иные заботы.

В разговорах с друзьями-приятелями я неоднократно касался этого вопроса. На меня наседали, дескать, напиши об этом, надо избавляться от «черных дыр» и «белых пятен» в истории русской культуры. Наконец, писатель Александр Бржезнев вдохновил меня, я сел за письменный стол и пишу эти строки. Лучше поздно, чем никогда.

Эх, если б знать, чем обернется встреча двух великих сынов России-матушки! «Трудно высказать и не высказать всё, что на сердце у меня».

ПЭС 12120/04.09.2012

Примечание

1. Композитор И.И. Держинский является автором десяти опер, в числе которых «Тихий Дон» (1935), «Поднятая целина» (1937), «Судьба человека» (1961) и др. Оперы Держинского не завоевали широко-го общественного признания, хотя в целом его творчество вполне достойно положительной оценки. Он был отмечен многими правительственными наградами, в том числе Сталинской премией (1951).